

DOI: 10.31857/S241377150014556-4

Новая дискурсивная революция? (К осмыслению двух типологических характеристик интернет-коммуникации)

© 2021 г. В. В. Дементьев

Доктор филологических наук,
профессор Саратовского национального исследовательского
государственного университета им. Н.Г. Чернышевского,
Россия, 410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
dementevvv@yandex.ru

Дата поступления материала в редакцию: 02 сентября 2020 г.

Дата публикации: 30 апреля 2021 г.

Резюме. В статье представлен взгляд на современное состояние теории дискурса, которая, по мнению автора, переживает переходный период, связанный, с одной стороны, с актуализировавшимися в последние годы направлениями исследований речи, с другой — с появлением и стремительным развитием принципиально новой сферы речевой коммуникации — интернет-коммуникации.

Автор сравнивает современное состояние теории дискурса с предшествующим, в котором за очень короткое время произошли сразу три полноценные научные революции (текст не обязательно должен быть художественным; текст не обязательно должен быть письменным; текст не обязательно должен быть монологическим), и высказывает предположение, что назрели предпосылки для новой — четвертой — дискурсивной научной революции: текст не обязательно должен выходить за пределы мышления одной отдельно взятой языковой личности, полноценный объект теории дискурса — внутренняя речь, монологическое речевое мышление.

В статье рассматриваются теоретические (типология речи) и практические (эмпирическая психолингвистика, литературоведение) предпосылки к формированию нового направления теории дискурса — дискурсивных исследований монологического речевого мышления.

Основная часть исследования посвящена интернет-коммуникации.

В центре внимания оказываются две противоположные, но диалектически связанные характеристики интернет-коммуникации: повышение степени диалогичности (количество источников информации и скорость обмена репликами и завязывания новых контактов) и понижение степени диалогичности (аутизм и эскапизм; “интерактивность и интерпассивность”), — которые автор предлагает понимать как одновременное усиление в интернет-коммуникации, во-первых, начала монологического, соответствующего “четвертой дискурсивной революции”, во-вторых — начала воздейственного, по видимости противоположного первому, но в реальности неразрывно с ним связанного.

Ключевые слова: дискурсивная научная революция, модели коммуникации, монологическое речевое мышление, интернет-коммуникация, интерактивность, интерпассивность, интернет-творчество.

Для цитирования: Дементьев В.В. Новая дискурсивная революция? (К осмыслению двух типологических характеристик интернет-коммуникации) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 2. С. 64–80. DOI: 10.31857/S241377150014556-4.

A New Discursive Revolution? (Towards Comprehending Two Typological Characteristics of Internet Communication)

© 2021 Vadim V. Dementyev

Doct. Sci. (Philol.),
Professor of the Saratov National Research State University
named after N.G. Chernyshevsky,
83 Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia
dementevvv@yandex.ru

Received by Editor on September 02, 2020

Date of publication April 30, 2021

Abstract. The article presents a view of the current state of the theory of discourse, which, according to the author, is going through a transitional period, associated, on the one hand, with the areas of speech research that have become relevant in recent years, and on the other hand – with the emergence and rapid development of a fundamentally new sphere of speech communication – the Internet communication.

The author compares the current state of the theory of discourse with the previous one, in which three full-fledged scientific revolutions took place in a very short time (the text does not have to be artistic; the text does not have to be written; the text does not have to be monologic), and suggests that the time is ripe for a new – the fourth – discursive scientific revolution: the text does not have to go beyond the mind of a separate language personality; an inner speech, a monologic verbal thinking is in itself a valuable object of the theory of discourse.

The article examines the theoretical (typology of speech) and practical (empirical psycholinguistics, literary criticism) prerequisites for the formation of a new direction in the theory of discourse – discursive studies on monologic verbal thinking.

The main part of the research is devoted to Internet communication.

The focus is on two opposite, but dialectically related characteristics of Internet communication: an increase in the degree of dialogicity (the number of sources of information and the rate of exchange of remarks and making new contacts) and a decrease in the degree of dialogicity (autism and escapism) (“interactivity and interpassivity”), – which the author proposes to understand as a simultaneous strengthening in Internet communication, firstly, the beginning of a monologue corresponding to the “fourth discursive revolution”, and secondly – the beginning of an influential one, seemingly opposite to the first, but in reality inextricably linked with it.

Key words: discursive scientific revolution, communication models, monologic verbal thinking, Internet communication, interactivity, interpassivity, Internet creativity.

For citation: Dementyev, V.V. *Novaya diskursivnaya revolyutsiya? (K osmysleniyu dvukh tipologicheskikh kharakteristik internet-kommunikatsii)* [A New Discursive Revolution? (Towards Comprehending Two Typological Characteristics of Internet Communication)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seria literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 2, pp. 64–80. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150014556-4.

0. Введение

Становление и развитие теории дискурса (до этого – лингвистики текста) ознаменовалось целым рядом полноценных научных революций, приведших к разрыву традиции и значительному переосмыслению не только собственно теории дискурса, но и лингвистики в целом. По мнению многих ученых, появление и развитие дискурсивного анализа привело к переосмыслению многих (или

даже всех) основополагающих положений лингвистики: распространенной является точка зрения, что сегодняшняя лингвистика не может выполнять даже свои традиционные задачи – изучать язык и речь – так, как будто бы не было дискурсивного анализа [1]–[3].

Сегодня с большой степенью уверенности можно сформулировать содержание не одной, а трех дискурсивных революций:

1) текст не обязательно должен быть художественным (т.е. на звание текста со всем набором текстовых категорий, единиц, закономерностей и правил, моделей порождения и восприятия — и существующих разработанных методов их изучения — могут претендовать не только художественные тексты, которые одни до появления лингвистики текста и изучались и для которых была выявлена и проанализирована данная система категорий, и т.д.),

2) текст не обязательно должен быть письменным,

3) текст не обязательно должен быть монологическим [1]; [2]; [4]; [5].

“Четвертой дискурсивной революции”, которой посвящена настоящая статья, собственно, не было, но она во многих отношениях “просится”: текст (или, вернее, объект, претендующий на звание текста) не обязательно должен выходить за пределы мышления одной отдельно взятой языковой личности (быть озвученным, записанным, тем более — отправленным индивидуально или коллективному адресату), иными словами, полноценный объект теории дискурса — внутренняя речь, монологическое речевое мышление (далее — ММ), которое и рассматривается как дискурс или текст.

(Сделаем важное замечание. Научная революция не равна простому расширению объекта, а формулировка с “не обязательно” в качестве основного понятия нехороша для научного направления. И то, и другое возможно только в случае качественно иного осмысления объекта, выявления глубинных законов и категорий, обуславливающих его природу, структуру, функционирование. Как известно, расширение объекта, привлечение дополнительных его вариантов иногда приводило к этому, но гораздо чаще — нет. В трех дискурсивных научных революциях такое совмещение было, в гипотетической четвертой — не было.)

Сформулированное нами таким образом положение (скорее гипотеза) не может не только претендовать на звание научной революции, рядоположенной трем вышеназванным, но и не может считаться научным направлением, ибо полноценное научное направление (в современном понимании, “что такое наука”) должно включать три обязательные

составляющие: материал, проблему, метод. Ничего этого нет — по понятной причине: ученые не экстрасенсы, и данный объект — ММ — им недоступен.

Впрочем, так ли уж “ничего нет”? Сегодня (а в будущем, вероятно, в еще большей степени) можно говорить о появлении целого ряда разнообразных факторов, в большей или меньшей степени противоречащих данному категоричному утверждению.

Так, во-первых, материал ММ недоступен только в непосредственном наблюдении, а в разнообразных опосредованных, косвенных проявлениях доступен — и лингвисты (включая специалистов по лингвистике текста и дискурса) им уже немало и успешно занимались.

Во-вторых, ничто не мешало теоретикам науки помещать недоступные непосредственному наблюдению, но несомненно важные процессы в свои теоретические (дедуктивные) модели для объяснения большого количества других важных процессов коммуникативно-языкового характера, которые без этого оказывались бы непонятны. Ряд таких моделей будет рассмотрен нами ниже.

В-третьих, сама коммуникативно-речевая и коммуникативно-языковая реальность сейчас меняется, и процессы, недоступные наблюдению еще недавно, становятся если и не доступными в полной мере, то, по крайней мере, более доступными — в своих в разной степени опосредованных проявлениях. Имеем в виду прежде всего интернет-коммуникацию.

Добавим, что если до сих пор в движении от монологической (художественной или нет) к устной диалогической речи наблюдалось последовательное повышение диалогичности, значимой для текстовой организации речи, то в случае внутренней речи диалогичности уже как будто бы намного меньше, но, возможно, это впечатление уменьшения степени диалогичности лишь кажущееся.

1. Речемышлительные (внутренняя речь) процессы и их изучение в дискурс-анализе

1.1. Психолингвистический аспект

Начнем с того, что во всех названных дискурсивных революциях (особенно второй и третьей) сыграли решающую роль достижения коллоквиалистов — исследователей *устной спонтанной речи* (начиная с работ Л.П. Якубинского), адекватное осмысление

которой, в силу ее неподготовленности, непосредственности и т.п., требует учета особенностей *внутренней речи*, которой по своей природе наиболее близка устная спонтанная речь [6]; [7]. Тем самым в поле зрения исследователей попадают не только речемыслительные аспекты текстов, но и собственно текстовые аспекты внутренней речи и речевого мышления — ММ.

Феномен “мысленного рассказывания историй” — с предшествующими данному процессу этапами речепорождения — активно и вполне успешно изучался “полевыми” психолингвистами, но всегда опосредованно, а отсюда — предположительно, через внешние проявления, доступные наблюдению, фиксации и подсчету: через посредство анкетирования, тестирования, психолингвистических экспериментов (ассоциативного и подоб.) [6]; [8]–[13].

Текстовые (текстоподобные) структуры внутренней речи изучал А.Н. Соколов в 1960-е годы, проводя эксперименты с большими группами испытуемых: испытуемым предлагалось решать мыслительные задачи (по физике, математике и т.п.) и одновременно проговаривать свои мысли вслух, каковое проговаривание и записывалось и изучалось в связи с условиями текстопорождения (тип задачи, тип эксперимента (например, наличие помех), состояние испытуемого).

Впоследствии данная традиция в психолингвистике была продолжена, хотя о настоящей ясности в понимании текстовой природы и механизмов мышления говорить по-прежнему трудно.

Так, в современной психолингвистике анализируются структуры мышления разных типов в связи с текстами разных типов и жанров (в связи с композиционными особенностями текстов и без такой связи).

Ср. работы, выявляющие (ассоциативным методом) организацию семантических компонентов в мышлении на основании корпуса прочитанных текстов: семантическую близость компонентов (синонимы, метафоры) на основе вхождения в один и тот же текстовый корпус (такие исследования велись и дифференцированно в связи с тем, к каким жанрам (литературным и нелитературным) относились данные тексты) [14].

Часть таких исследований развивает известную модель В.Я. Проппа (компоненты сказки): подобным образом выделяются и формализуются композиционные и семантические компоненты для разных жанров (например, научной статьи) [15]; [16].

Исследователями активно разрабатываются структурные модели рационального мышления (в т.ч. “глобальные когнитивные модели”, например вопросно-ответная система Т. Винограда [17] или теория решения задач человеком А. Ньюэлла и Г. Саймона [18], модель АСТ (Adaptive Control of Thought — адаптивный контроль мышления) Дж.Р. Андерсона [19], модель Soar (англ. взлетать,

парить) Алана Ньюэлла [20]; [21]), опирающиеся на обязательные текстовые и коммуникативные компоненты, такие как тема и рема, субъект и предикат, экзекутивные процессы, умозаключения по аналогии, эвристики, парсеры и т.д. (см.: [22]).

1.2. Типологический аспект

Для нашего исследования имеют не меньшее значение результаты противоположного — дедуктивного осмысления ММ, которые, в отличие от индуктивных исследований (таких как рассмотренные работы психолингвистов-эмпириков), не опираются на непосредственную коммуникативную практику, но позволяют соотносить ММ с другими лингвистическими феноменами, прежде всего текстовыми, а также уточнять при помощи понятия ММ некоторые авторитетные лингвистические классификации.

Сделаем важное замечание. Мы не ставим целью представить все дискурсивные типологии: это невозможно в одной статье. Авторы, чьи концепции представлены в этом параграфе, также не совершили научных революций. Они выбраны нами на том основании, что, во-первых, активно и успешно занимались дискурсивной теорией и практикой, причем в тех направлениях, в которых, как представляется, современная дискурсивная теория развивается особенно активно: В.И. Карасик — в лингвокультурологии, В.В. Прооров — в литературоведении, К.Ф. Седов — в психолингвистике. Во-вторых, все они более или менее регулярно занимались интернет-коммуникацией. В-третьих — главное, — ММ занимает важное место во всех разрабатываемых ими типологиях.

Так, В.В. Прооров [23], с одной стороны, вставляет ММ “номером три” в диаду “фатика ~ информатика” Т.Г. Винокур [24]:

Удивляет, однако, отсутствие в этой типологической картине речевжанровой вселенной ещё одной (помимо фатики и информатики) — третьей — существенно важной составляющей. Имеются в виду все многочисленные и издревле присущие человеку универсальные речевые жанры более или менее *скрытой, мысленной* (в устных версиях почти беззвучной) *вербализации*, внутренней монологической речи, с разной степенью интенсивности используемой нами во всяком возрасте и в бесконечном множестве ситуаций. Это речь для себя, наедине с самим собой. Она может быть всякой — печальной и радостной, озабоченной и расслабленной, мечтательной, отрешённой от реальности или, напротив, прагматичной по своим главным функциям. Часто она итожит прожитое, предваряет некие действия, сопутствует важным жизненным и

житейским поворотам и т.п. “Тихо сам с собою я веду беседу”, — как пелось в одной некогда популярной песне [23, с. 143].

С другой стороны, В.В. Прозоров соотносит получившуюся триаду с известной (Платон—Аристотель—Гегель) триадой “эпос ~ лирика ~ драма”. (Причем важно, что автор не только выделяет и соотносит три типа речевой коммуникации, но и делает это с точки зрения речевых жанров, существующих в данных типах коммуникации.)

К **драме** тяготеют прежде всего все разновидности **информативной**, нечто сообщающей речи. В самой природе информации, в разнообразных процедурах её передачи, её распространения и восприятия всегда заложен конфликт разного масштаба, конфликт между тем, что было известно, ведомо, привычно до получения данной информации, и тем, что привнесла с собой в картину мира или в её отдельные (пусть даже крохотные) фрагменты, во взаимоотношения с другими, в собственные самочувствия и т.д. новая или обновлённая информация. Это конфликт настоящего (состояния) и будущего (со всеми последствиями, которые может иметь новое сообщение). Драматическое ощущение новизны, потребность в сообщении нового пронизывает и состояние-поведение говорящего, и вольное / невольное ожидание воспринимающего информацию. Обе стороны (в том числе и в ситуациях, когда они меняются ролями) устремлены навстречу будущему времени. Их гложет желание поделиться, поведать, доложить, наговорить, уведомить, нашептать, поверить нечто, до поры до времени остававшееся сокрытым... В драме конфликт между Я и Ты (Он, Она, Они) проявляется, обостряется, достигает своего предела. Вот почему к драматическому роду могут быть отнесены всевозможные разновидности жанров молвы (слухи, толки, сплетни, рассказы, рассказы о только что увиденном и услышанном), известий, новостей, сенсаций, сообщений, объявлений, манифестов, заявлений, распоряжений, приказов, объяснений, сведений, извещений, выступлений, докладов, лекций, диспутов, дискуссий, споров, выяснения отношений, обвинений, угроз, доносов, ссор...

Эпическое начало, устремлённое к некоему равновесному состоянию, обнимает всё разнообразие живого **фатического** общения, при котором сам акт коммуникации со своими героями и героинями многообразно самоценен и представляет собой поведенчески-речевое ритуальное событие, фамильярное, ласковое, приятельское, праздное, неприязненное, намеренно раздражающее, бранное говорение, признание, описание, разные виды не прямой коммуникации. Эпическое многоцветие пронизывает жанры светской беседы, благодарности, флирта, комплимента, шутки, анекдота, разговора по душам, разговора с попутчиками, объяснения в любви, похвалы, жалобы, оскорбления, извинения, издёвки, тоста, поздравления и соболезнования, проповеди, беседы... <...> Фатика привычно опирается на прошлый опыт участников общения и пробует вновь и вновь испытать

его правомерность и надёжность. И с этой точки зрения, она находится в сфере эпического притяжения.

Лирика словно бы обнимает все разновидности **автокоммуникации**, предполагающей преимущественно **внутреннее** (про себя) речевое общение, замкнутое на одном субъекте, имеющее в виду монологи-медитации, высказывания, выстраивания речевых периодов, обращённых прежде всего и главным образом к самому носителю-инициатору речи. <...> Лирика (уединённое) в переводе на язык речевой практики — это очень часто вербально реализуемое самочувствие Робинзона (без Пятницы), погружённого волею жизненных обстоятельств в свой мир переживаний этих обстоятельств и раздумий по их поводу. Это жанры самопризнания, исповеди, дневниковой записи (дневника), воспоминания, автобиографии, самоиронии, самоанализа, самокритики, самовнушения, саморефлексии, самоутверждения, самоутешения, клятвы, завещания и т.д. По сути дела, это жанры, которые М.М. Бахтин относил к разряду интимных. В “автокоммуникации” я весь отдаюсь настоящему времени: это мои нынешние переживания, сегодня, сейчас, сию минуту остро отзывающиеся в душе [23, с. 147–148].

Кроме того, по мнению В.В. Прозорова, три литературных рода (а также тройственная функция речи, тринарные свойства человеческой психики) органично соотносятся в новой и новейшей истории и с основными разновидностями СМИ: печатью, радио и телевидением, всё чаще неожиданно и органично совмещаемыми в Интернете [23, с. 145].

Следует отметить, что модель В.В. Прозорова является не единственной, пытающейся “исправить” диаду Винокур “фатика ~ информатика”. Излишнюю жесткость (или бедность?) этой наиболее широко распространенной филологической типологии замечали раньше — и дополняли **воздействием**.

Подобные попытки восходят к высказанной еще в начале 1960-х годов идее В.В. Виноградова, выделявшего “три важнейшие общественные функции языка: общение, сообщение, воздействие” [25, с. 5–6], и в современной лингвистике представлены, например, независимыми по отношению друг к другу моделями К.Ф. Седова и автора настоящей статьи.

Прочитируем размышления К.Ф. Седова, высказанные в его книге, посвященной *суггестивному*, т.е. *воздействующему, дискурсу* [26]:

Мысли Т.Г. Винокур развил и положил в основу своей концепции В.В. Дементьев <...>. По мнению ученого, все жанры речи (модели вербального и невербального оформления типических ситуаций социального взаимодействия) тяготеют либо

к информатике, либо — к фатике. При этом в поле фатического общения существуют нейтральные коммуникативные ситуации (*болтовня, шутка, анекдот*) и ситуации, которые либо улучшают тональность общения (*похвала, комплимент, лесть* и т.п.), либо, напротив, ухудшают (*ссора, оскорбление* и т.п.). Идеи, высказанные В.В. Дементьевым, когда-то разделял и автор настоящей книги. Но в отношении бинарной оппозиции информатика / фатика я должен высказать коллеге принципиальные возражения.

Разделение всего пространства повседневного дискурса, во-первых, неоправданно расширяет смысловое поле “фатика”. Трудно согласиться с тем, что *спор, ссора, инвектива, комплимент* — это речь, которая строится ради общения. Во-вторых, полностью игнорируется важнейшая функция межличностного общения — функция воздействия. Таким образом, я к уже названным полюсам предлагаю добавить третий — воздействия. Схематически это можно представить следующим образом.

Рис. 1

Отдавая дань информативным моделям межличностного общения, мы не должны забывать, что одна из функций дискурса — передача информации от одного участника коммуникативного акта — другому. В своем речевом произведении говорящий довольно часто сообщает собеседнику смысл, которого тот не знает. Это — фундаментальная цель общения, присутствие которой никто не оспаривает. Фатика — также важнейшая составляющая нашего речевого бытия. Очень часто люди вступают в коммуникацию ради самой коммуникации, чтобы ощутить себя частью социума. Но, наряду со стремлением передать информацию и реализовать желание бессодержательно пообщаться, мы воздействуем на другого человека: побуждаем его к поступку, влияем на его мировоззрение, изменяем его эмоционально-психологическое состояние и т.п. [26, с. 15–16].

Упрек К.Ф. Седова в мой адрес, представляется, несправедлив: еще за десять лет до его процитированной книги была защищена моя докторская диссертация “Основы теории непрямой коммуникации”, где одним из главных членений непрямой коммуникации была виноградовская триада “общение ~ сообщение ~ воздействие” — соответственно выделялись

непрямое общение, непрямое сообщение и непрямое воздействие [27, с. 209–266].

Обращает на себя внимание прямо-таки парадоксальная ситуация: в поисках универсальной речеведческой модели, которая позволила бы охватить все важнейшие разновидности и сферы речевого общения, ученые — филологи разного профиля — дополняют диадку “фатика ~ информатика” противоположными вещами: что может быть более противоположно монологическому мышлению, чем воздействие?

Мы пока не готовы удовлетворительно разрешить данное противоречие. Выскажем осторожное предположение, что сложившаяся ситуация не случайна, а обозначенная противоположность во многом кажущаяся.

То, что ученые расширяют и дополняют бинарную модель языка и речи, претендующую на универсальность, вполне понятно и естественно; естественно также искать и находить новые рядоположенные члены, делающие данную модель более гибкой, а значит, более адекватной. Вопрос только в том, сколько таких новых рядоположенных членов будет введено и какие именно.

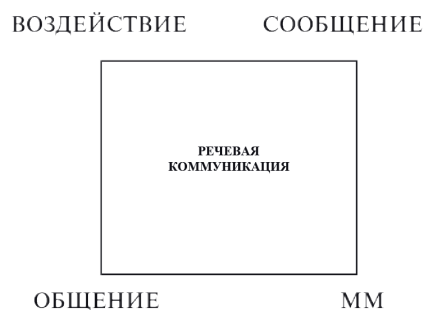

Рис. 2

Сравнивая модели В.В. Прокурова и К.Ф. Седова, наиболее естественной кажется мысль, что данные модели могут и должны быть объединены в по-настоящему гибкую, универсальную, возможно, окончательную тетрарную: общение ~ сообщение ~ воздействие ~ ММ (Рис. 2). Воздействие и ММ расположены на противоположных вершинах квадрата, так как являются противоположностями.

Получившаяся тетрарная модель кажется оптимальной для описания языка и речи (речевой коммуникации) во многих отношениях. Все члены (четыре) данной модели безусловно

значимы, новые рядоположенные члены не просматриваются.

Однако доказали ли мы целесообразность перехода к тетрарной модели для описания языка, речи и речевой коммуникации, особенно учитывая, что за двухтысячелетнюю историю филологии большинство моделей, претендующих на универсальность, были не тетрарные, а именно тринарные: модель Платона–Аристотеля–Гегеля (проза ~ поэзия ~ драма), Карла Бюлера (говорящий ~ слушающий ~ предмет речи), наконец, названного В.В. Виноградова (общение ~ сообщение ~ воздействие)?

Кстати, в современной филологии продолжают появляться новые тринарные модели. Например, В.И. Карасик в своей последней книге “Языковые картины бытия” предлагает рассматривать “картины бытия” – лингвокультурные концепты, литературные сюжеты и типы дискурса – в тринарной парадигме “обозначение / осмысление ~ постижение / интерпретация ~ действие / прагматика”. Так, “вектор обозначения” охватывает осмысление совести и сознания, долженствования, миссии, правды и лжи, преступления, жертвы и т.д.; “вектор постижения” – интерпретацию сюжетов (о лабиринте, о крысолове, о Големе), комизма у Пушкина, библейских аллюзий в поэзии и т.д.; “вектор действия” – прагматику социально-языковой идентичности, политической перформативности, пафоса и т.д. – вплоть до прагматики медийного освещения эпидемии COVID-19 [28].

В этой связи возникает мысль на первый взгляд парадоксальная: что целесообразно вернуться от тетрарной модели к тринарной, переосмыслив значение членов, а именно: допустив, что триады К.Ф. Седова и В.В. Прозорова близки по своей сути, объединить ММ и воздействие (или, точнее, допустить, что ММ содержит в себе средства его), воспользовавшись максимой *les extrêmes se touchent*. Добавим, что сделать это помогает новое, изменившееся в новую эпоху состояние речевой коммуникации, а именно: появление и широкое распространение интернет-коммуникации, которое выводит на первый план диалектическое единство *интерактивности и интерпассивности*.

1.3. Эстетический (лирика) аспект

Очевидно очень ценный, хотя и в высокой степени специфичный материал – описание внутреннего мира: мыслей, переживаний и т.п. – героя лирического произведения, которым занимается одно из наиболее традиционных направлений филологии. На онтологическую близость лирики и ММ справедливо указывает В.В. Прозоров в цитированной статье

2017 г.: “Лирический род подразумевает всё богатство внутренней речи – скрытой вербализации” [23, с. 149], опираясь на положение Ю.М. Лотмана об *автокоммуникации* – “все случаи, когда человек обращается к самому себе, в частности, те дневниковые записи, которые делаются не с целью запоминания определенных сведений, а имеют целью, например, уяснение внутреннего состояния пишущего, уяснение, которое без записи не происходит. Обращение с текстами, речами, рассуждениями к самому себе – существенный факт не только психологии, но и истории культуры” [29, с. 78].

В статье же 2021 г. В.В. Прозоров детально показывает, каким образом и в каких направлениях современные исследования по поэтике занимаются фактически проблемами ММ, анализируя лирические тексты:

Автокоммуникативный (шире – лирический) кроссовер включает в свои пределы собственно лирические словесно-образные произведения, стихотворные и прозаические, устные и письменные, фольклорные и литературные, любительские и профессиональные, глубоко серьезные, комплиментарные (оды, например), откровенно насмешливые, ироничные, самозабвенно-сосредоточенные, интимные. Это и РЖ внутренней монологической речи (внутренние лирические монологи и отдельные, “странные”, как бы внеадресные реплики персонажей в пьесах). В первых рядах здесь и субъективно-оценочные лирические РЖ, часто расположенные на зыбкой границе фатики и автокоммуникации: фрагменты дружеских разговоров по душам, шутки, комплименты, тосты, афоризмы, прочувствованное юбилейное слово, некрологическое признание, исповедь, молитва и др. [30].

Замкнутая на себе, самонаправленная речевая коммуникация – вплоть до полновзвучной и ёмкой немoty (у И.А. Бродского: “Тихотворение моё, моё немое...” – втайне жаждет быть услышанной и оцененной [Там же]).

Внутренняя речь при известных компетенциях её носителя, связанных с творческой способностью к образно-языковому воплощению, адресуясь к своим, из вещи в себе превращается в вещь (в дискурс/текст) для посвященных и приобщенных. В теоретико-литературных построениях прошлого века это самоценное превращение провозглашалось “основой лирики в словесном искусстве”, основой, которая “не изменяется на протяжении веков и, вероятно, тысячелетий”: “Исходное самочувствие души может быть очень смутным, неотчетливым, – оно становится лирическим переживанием, лишь когда оно выражено” (В.Д. Сквозников) [Там же].

Подчеркнем еще раз: конечно, перед нами опять-таки опосредованное отражение ММ да еще в очень специфичном речевом материале – являющемся лирикой (или, по В.В. Прозорову, лирическим жанровым кроссовером):

“<...> лирический дискурс/текст в нашем понимании — всё целостно явленное, что порождено высоким градусом человеческих чувств и обладает отчётливой степенью вольной интерактивности. Указание на интерактивную *вольность* призвано оттенить специфику восприятия лирического дискурса/текста по сравнению с эпическими и драматическими высказываниями, отмеченными, как правило, большей степенью авторской нарративной заданности и выстроенности. Заметим попутно, что о *совершенных* лирических дискурсах/текстах трудно исследователю рассуждать так же, как, например, об учебно-научных, деловых и др. высказываниях. Здесь оправдано применение соответствующего природе высказывания лексико-аналитического, эмоционально-интеллектуального сопровождения. Область преобладания ощущений, чувств, эмоций — сфера трудно выразимого и сложно выговариваемого. Надо искать и находить подходящие к случаю слова. Без этого исполненный хрупкого самовыражения лирический дискурс/текст заметно сворачивается и невозмутимо уходит в себя” [30].

Поэтому было бы преувеличением говорить об универсальной ценности положений и достижений данного направления с точки зрения “четвертой дискурсивной революции”, которой посвящена настоящая статья, применимости их к осмыслению любого материала ММ.

Однако для осмысления части данного материала — имеющей лирическое содержание — данные положения являются в высокой степени значимыми. Забегая несколько вперед, отметим, что в интернет-коммуникации такой тип коммуникации довольно широко распространен — начиная от “сетевой поэзии” (“пирожки” и подоб.) и заканчивая коллективными “фанфиками”.

Здесь нельзя не вспомнить *дневниковый и автобиографический жанры*, представляющие собой наиболее изученную (и наиболее доступную изучению) разновидность автокоммуникации и близкие к лирике фактором саморефлексии, хотя, конечно, далеко не всегда включающие эстетический фактор [31]–[33]. В последние годы, кроме того, данное направление было усилено и обогащено качественными работами исследователей естественной письменной речи, которые рассматривают не только собственно дневники, но и другой богатый и оригинальный материал автокоммуникации [34]. Изучение и дневников, и автокоммуникации ЕПР (в сочетании с изучением жанров публицистики) впоследствии сыграло большую роль при изучении *блогов* и др. жанров интернет-коммуникации, принципиально близкой и к автокоммуникации, и к ММ.

2. Коммуникативная модель и интернет-коммуникация

2.1. Интерактивность и интерпассивность интернет-коммуникации

Целью настоящей статьи не является подробная характеристика интернет-коммуникации, которой были посвящены многочисленные и качественные работы специалистов [35]–[47].

Нами также не затрагивается ставшее уже довольно распространенным у философов, антропологов положение о том, что появление интернет-реальности стало революцией в человеческой культуре, цивилизации, породило новую реальность, для осмысления которой стала востребована новая философия — дигитальная [48]. Понятно, что для того чтобы адекватно осмыслить вербально-текстовую коммуникацию в рамках данной “новой реальности”, теория дискурса должна была выработать некоторые новые методы и приемы, а возможно, и некоторые новые теоретические положения, в результате это могло (подчеркиваем: могло) привести к новой дискурсивной революции. Данное предположение умозрительно и несколько механистично и само по себе не представляет большого интереса.

В центре нашего внимания оказываются два качества, или характеристики, интернет-коммуникации, имеющие принципиальное значение для развиваемой нами концепции и являющиеся, представляется, не просто значимыми, а типологически значимыми для интернет-коммуникации, хотя в интернет-лингвистике они еще не были осмыслены должным образом.

Эти характеристики следующие:

(I) Интернет в целом резко повышает диалогичность коммуникации (прежде всего количество коммуникантов, количество источников информации (гипертекстовость) и скорость — как обмена репликами, так и завязывания новых контактов):

Диалогически ориентированными являются многочисленные интернет-издания, электронные версии традиционных изданий, вся блогосфера, интернет-переписка, интернет-конференции, социальные сети и др. Диалогичность понимается как учет адресантом (автором) речи фактора адресата (реального или воображаемого), его смысловой позиции, а также обозначение данной ориентации при помощи определенных языковых средств. Категория диалогичности проявляет себя как в виде собственно диалога, так и в виде использования в монологической речи специальных средств (маркеров диалогичности), апеллирующих к адресату [42, с. 97].

Следует подчеркнуть, что повышение диалогичности означает также и повышение *воздейственности* интернет-коммуникации по сравнению с традиционной коммуникацией. Это принципиально важно для развиваемой нами концепции качества интернет-коммуникации неоднократно отмечалось представителями интернет-лингвистики [36]; [42]; [49]: как особая *воздейственность* интернет-коммуникации — от флешмобов, троллинга и т.п. до протестной деятельности.

(II) По-своему вполне естественным и распространенным следствием развития интернет-коммуникации являются *эскапизм* и *аутизм*.

В ставшей широко известной эмоциональной речи Андрея Курпатова на завтрак Сбербанка в Давосе 23 января 2020 г. прозвучало выражение, с тех пор широко разошедшееся по интернет-пространству: “*эпидемия цифрового аутизма*”, которое, по убеждению автора, означает “разделение мира на умных и глупых, переезд из галактики Гутенберга в галактику Цукерберга” [50]¹.

¹ Фактически об этой же оппозиции “галактики Гутенберга и галактики Цукерберга”, особенно сильно активизировавшейся в последние годы (но, по всей видимости, ее по-настоящему масштабные, в т.ч. разрушительные, проявления еще впереди), говорит журналист Виктор Мараховский: «...Мы живем а) в очень информационно глобализованном обществе и б) в обществе очень “информационно инклюзивном”. <...> что касается “информационной инклюзивности”, то это, с одной стороны, величайшее завоевание интернет-революции, а с другой — ее величайшее зло: интернет уничтожил иерархию источников мнений. Еще всего полвека назад официальными типографиями и сетями распространения владели в любой стране а) государство, б) признанные государством поставщики информации. Напечатанное в официальной прессе слово обеспечивалось мощью государства, а напечатанное в частной — капиталом и легальным положением издателя. Те, чье слово ничем не было обеспечено, — печатали листовки в подпольных типографиях и раскидывали их по ночам. “Подпольных телеканалов” же не было вовсе. А сегодня условный гиперактивный энтузиаст из Химок, торгующий деревянными поделками в интернете, по “информационной громкости” может быть равен или даже превосходить не только всех профессионально компетентных людей по любому вопросу, но и многие официальные органы, от научных до властных. Просто потому, что ему больше всех надо: он же энтузиаст. Сейчас “типография”, образно говоря, имеется не то что в каждом доме, но и в каждом кармане. Фильтр, отсеивающий мозговых диссидентов, в современном инклюзивном медиапространстве отсутствует напрочь — и они проповедуют искренне, увлеченно и крайне трудолюбиво. Эти искренние диссиденты опасней любых “агентов влияния”, пытающихся по старинке сеять панику и распространять “в среде врага” какие-нибудь бредовые асоциальные теории. Просто потому, что диссиденты бесхитростны, неуправляемы и не знают границ» [51].

Осторожно обратим внимание на близость этих двух типологических — противоположных, но диалектически неразрывно связанных и сущностно важных — характеристик интернет-коммуникации и противопоставления ММ и воздействия (напомним, воздействие — “третий” член, добавляемый в диадку “фатика ~ информатика”).

Отметим, что называемая в цифровой философии среди важнейших характеристик как новой цифровой реальности, так и самой интернет-коммуникации *интерактивность*, ключевой момент которой — *интерсубъективность* (определяемая наличием посредника между медиумом и субъектом), — в общем, означает повышение диалогичности, которая иногда (правда, пока нечасто) связывается с противоположным свойством — *интерпассивностью* интернет-коммуникации и ее участников [52]; [53].

Эволюция и постепенное нарастание данного качества интернет-коммуникации показывается на примере эволюции Web-технологий:

- Web 0.0 технология — пользователь мечтает “законнектиться” с кем- или чем-либо;
- Web 1.0 технология — пользователь получает текст;
- Web 2.0 технология — пользователь создает текст в социальных сетях, генерирует его, потребляет его;
- Web 3.0 технология — коллективное создание текста, семантическая паутина (Semantic Web) — сеть над Сетью, содержащая метаданные о ресурсах “всемирной паутины” и существующая параллельно с ними.

При этом подчеркивается, что интерактивность подразумевает коммуникацию субъекта с медиумом, а вовсе не (желаемое в силу человеческой природы) межсубъектное взаимодействие: “<...> В медиареальности интерсубъективность на практике заменяется интерактивностью, чья роль в технологически обеспеченном мейнстримном взаимодействии сводится к имитации общения человека с якобы одушевленными информационными системами. При этом интерактивность очевидно эксплуатирует скрытую тягу к интерсубъективности, ностальгию по непосредственности, которая так усложняет жизнь коммуницирующему субъекту”, — пишет А.Н. Фортунатов [52, с. 271].

Тем самым указывается на болезненную и неразрешимую проблему интернет-общения, которая со временем, по мнению авторов, только нарастает: «Вся социокультурная атмосфера современного общества направлена на то, чтобы сделать несущественной разницу между медиумом (контрсубъектом) и субъектом, что в конечном счете и приводит к безличности последнего — подавленного, неспособного увидеть самого себя в бездушном “зеркале” технологических новинок. Классическое межличностное взаимодействие — та самая идеальная

интерсубъективность — теперь выражается в *интерпассивности*, т.е. в заведомом отстранении участников информационного взаимодействия друг от друга, возможно, начавшегося со знаменитого «остранения», когда медийная среда незаметно начала осваивать суверенные пространства субъектности» [Там же, с. 272]².

2.2. Интернет-творчество

При изучении мышления / ММ традиционно считается одним из наиболее важных, трудных, загадочных такой его аспект, как творчество, — творческое мышление (см. обзор точек зрения на данный феномен в философии, филологии, психологии, социологии, естественных науках и глубокие размышления о данном феномене в монографии В.С. Библера «Мышление как творчество» [55]).

Для направления дискурсивного исследования ММ, которому посвящена эта статья, осмысление творчества также является очень значимым, поскольку дискурсивная, текстовая сторона (проявление) творчества, безусловно, одна из важнейших. До сих пор данная сторона была доступна наблюдению и изучалась только по косвенным, опосредованным проявлениям.

Очень много для осмысления данного феномена дал Интернет. Конечно, о наличии / отсутствии творчества в текстовом материале и здесь можно судить преимущественно предположительно, по косвенным проявлениям. Однако, во-первых, появились (точнее, были осознаны и получили новые возможности для обнаружения и выделения) признаки настоящего творчества (творческих текстов); во-вторых, появилась возможность для осмысления и сравнения разных проявлений и разновидностей творчества, что может быть значимым для понимания «творчества вообще».

На просторах Сети, в интернет-коммуникации выражение «*интернет-творчество*» является не аномальным, более того: распространенным и однозначно положительно оцениваемым.

Но что имеется в виду? При ближайшем рассмотрении оказывается, что содержание данного выражения не отличается большой определенностью и ясностью.

² Забавным образом тенденция к повышению моногамизма интернет-коммуникации (или, точнее, интернет-текстов) проявилась в появлении соответствующего структурного типа *анекдотов*, обыгрывающих ход мысли человека (недоуменный при столкновении с идиотизмом жизненных коллизий, официальной ложью и т.п.): «Подумал, что...», «Понял, что...», «Оценило, что...», «Мне одному показалось, что...?» [54].

В большинстве случаев, как можно судить, это выражение используется в традиционном, «из доинтернет-эпохи» значении «художественные произведения». Действительно, Интернет располагает обширнейшими базами для хранения (а также поиска, разметки и статистического анализа) художественной литературы, однако всё это по большей части «неинтернет-творчество».

Кроме того, уже стали заметным явлением тексты так наз. сетевой литературы (или даже «*сетературы*»), сетевой поэзии, сетевых романов, созданные «сетевыми авторами» (см.: [56]–[58]). Отмечается усиление взаимодействия сетевого произведения с реальным читателем [57, с. 6] и сочетание основных признаков книжности и фольклора как характерная черта сетевого литературного материала [Там же, с. 10].

Однако вряд ли и это можно считать качественно новым явлением (хотя здесь уже нередко присутствуют специфические приметы принадлежности к различным интернет-сообществам, прежде всего интертекстуальные: понятные «своим» ссылки, аллюзии, пресидентные тексты и мемы), поскольку «законы художественных текстов» здесь те же, что в «неинтернет-литературе».

Кроме того, Интернет дал пользователям множество технических возможностей для «вроде бы творчества» в виде многочисленных *гипертекстовых* ссылок на ресурсы (гипертекстовость в целом нередко считают именно проявлением и показателем диалогичности, и для этого есть основания: это же, так сказать, выход за пределы одного мышления, получение той информации (и текста), для которой в обычной жизни всегда была нужна коммуникация, причем в таком объеме (по крайней мере, в теории), какой в традиционной коммуникации был невозможен; мы же видим не меньше общего с монологичностью, ММ: гипертекстовые возможности — не что иное, как помощники, инструменты для более эффективного мышления, или даже так: возможность получения информации для эффективного обдумывания без коммуникации)³.

³ Кстати, в начале 1990-х годов, когда появились первые полноценные гипертексты, в лингвистике текста и теории дискурса высказывались идеи, близкие к нашей «четвертой дискурсивной революции»: «Текст не обязательно должен быть линейным, а может быть гипертекстовым» [59]; [60]. Именно нелинейный характер гипертекста представляется наиболее принципиальным, поскольку сближает гипертекст и ММ. К сожалению, этой стороне гипертекста уделялось недостаточно внимания в названных работах, поскольку на первый план выходили технические характеристики гипертекста.

Причем некоторые такие гипертекстовые ресурсы, онлайн-программы имеют целью непосредственно порождение (вернее, искусственный синтез) “творческих текстов”: стихов⁴, речей для “светских бесед”⁵, поздравлений, тостов, статусов для соцсетей и т.п.

Есть все основания считать эти феномены признаками самого настоящего искусственного интеллекта, о существовании которого за последние полвека было множество споров.

Но являются ли они подлинным творчеством? Конечно, нет. Важно, что так это воспринимают и сами пользователи Интернета.

Здесь есть смысл вернуться к другому парадоксальному вопросу, который был впервые поставлен философами, писателями задолго до появления Интернета и который прямо касался природы человеческого мышления: появление искусственного

интеллекта (который, как известно, создавался во многом на основе и с учетом особенностей человеческого мышления — ММ) способствует повышению активности, развитию, совершенствованию интеллекта естественного — или, наоборот, подавляет его?

Подобным образом Интернет, с его ресурсами, дает возможность для коммуникативной активности — но в результате пропадает желание активности. Появляется возможность доступа к огромным базам информации — и пропадает желание ею пользоваться. Соответственно резко уменьшается ценность и интернет-активности (количество и скорость контактов), и информации, почерпнутой в Интернете, и продуцирования текстов, “подсказанных” искусственным интеллектом.

Важно, что парадокс на этом не заканчивается: все отмеченные процессы ведут к “интерпассивности”, но одновременно — к появлению желания другой активности (включая текстопродукцию) — не истекающей из искусственного интеллекта — и повышению ценности другой коммуникации — с другими текстами, другим качеством контактов.

Именно из-за того, что важнейшие технические, формальные характеристики интернет-коммуникации (упорядоченный символический характер носителей информации в интернет-коммуникации, доступных для стандартного компьютерного анализа — опознавания, поиска и подсчета) являются постоянными, они менее ценятся. Если, например, найти нужную информацию, ссылку, цитату теперь очень легко, то ценятся в общении другие вещи, которые невозможно достичь таким образом, — прежде всего “нелогичное творчество”.

Таким образом, на первый план выходит иное — несколько парадоксальное — понимание творчества (но творчество и всегда таит в себе некий парадокс): с одной стороны, во множестве появляются возможности легко, не затрачивая усилий, “писать красивые тексты”, с другой — эти тексты очень мало ценятся; а ценятся (считаются творчеством) другие тексты: не включающие эти автоматические элементы, даже если в результате тексты менее “красивы” (в действительности, конечно, их эстетическая значимость несколько не менее высока, чем в “неинтернет-текстах”).

Кстати, именно такое понимание творчества является преобладающим в дискурс-анализе, теории речевых жанров (см. в нашей статье «Парадоксы жанра: к проблеме “жанр и творчество”» [61] анализ данной точки зрения на творчество, противопоставленной приравнению творчества к “красивым текстам”).

В этом смысле показательно появление таких взглядов, оценок и прогнозов на будущее, как высказанные политологом М. Деягиным:

⁴ Ср. программу, которая из поисковых запросов составляет стихи, например пирожок или онегинскую строфу:

как научиться целоваться
древнеяпонский календарь
добрынинская как добратся
киноафиша на январь
смотреть фильм хёрби победитель
мембрана ма производитель
солнцезащитный козырек
вам и не снилось саундтрек
что будет в декабре в ростове
как сделать чтобы открывал
купить котел универсал
два мюзика летали в мове
смотреть онлайн король рыбак

как сделать лучше просто так (<http://autopoet.yandex.ru/>;
как это создавалось: <http://blog.yandex.ru/post/73398/>).

⁵ Робот-“генератор светских бесед” создает “красивые” тексты на задаваемое слово, например, на слово “Дементьев”: *Чертовски полезная в хозяйстве вещь: устройство для скачивания Дементьев через интернет. Кстати, прошу обратить внимание, качает через Wi-Fi, и скорость скачивания вполне приличная. Сарафанное радио работает только в России. У каждого уважающего себя издания на западе есть т.н. Факт Чекры, так что Дементьев туда не прорвется. Проводя зиму в Индии, а потом прилетая в Россию, Дементьев как бы протягивает воздушный мост между двумя странами. Ну, типа мюзикл. А в главной роли — Дементьев. Дементьев — вам будет что вспомнить. Хороший пример — мой нью-йоркский друг Фил, фотограф. Он снимает действительно потрясающие вещи для инди-журналов — это не приносит ему денег, но позволяет создать его портфолио. Затем он идёт и снимает Дементьев. Ничего впечатляющего, но он может оплатить свои счета. Остроумный разговор, щедро пересыпанный высказываниями о Дементьев, всегда приятно послушать. Психология и медицина бессильны против Дементьев. Дементьев — нераскрытая тайна. Раскрытая — это не Дементьев. Реальность намного больше, чем Дементьев. И не такая добрая. А вот “Вейтнемед” — это Дементьев наоборот* (<http://www.gatchina.biz/generator>).

Это будет означать, что человек будет концентрировать свои усилия на недоступной компьютеру компоненте мышления, в которой сохранится исключительная “человеческая монополия” — мышлении внелогическом, образном (в том числе творческом или мистическом). Соответственно, и конкуренция людей будет вестись на основе внелогического, образного мышления. Наибольшего успеха в конкуренции: как внутри обществ, так и в глобальном масштабе, — будут достигать склонные к такому мышлению люди и коллективы, в которых они будут играть наиболее значимую роль. Учитывая разницу между мужским, склонным к формальной логике, и женским, оперирующим образами и склонным к интуиции и озарениям, типам интеллекта (их различие четко выражает афоризм “мужчина узнает, женщина знает”), развитие компьютерных технологий может вернуть нас в подобие матриархата. Вероятный предвестник этого — растущее (даже в не слишком демократических обществах) число занимающих руководящие посты женщин, вызывающих остервенение мужчин спецификой своей логики, во все большем числе случаев более эффективной [62].

Эта составляющая творчества, доставшаяся интернет-коммуникации от коммуникации устной непосредственной, удачно сочетается с более традиционной эстетической составляющей, присущей письменной речи. Действительно, в общении интернет-коммуниканта, как правило, отсутствует непосредственность (главная отличительная особенность PPP по О.Б. Сиротининой [63]), зато есть такие (способствующие размышлениям) факторы, доставшиеся интернет-коммуникации от письменной речи, как долговременность существования сообщений / контента. Немаловажна и выявленная генетическая связь, пожалуй, главного жанра интернет-коммуникации — блога — с личным дневником (монологическим): как и авторы дневников, блогеры и подоб. сперва пишут тексты “для себя”, готовят их, перечитывают-правят, а лишь потом, и то частями, выпускают в жизнь.

3. Заключение

Следует подчеркнуть, что две типологические характеристики интернет-коммуникации — повышение диалогичности и уменьшение диалогичности — выделяются и обсуждаются нами не в парадигме болезни и способов ее лечения, как в дигитальной философии.

Мы хотим подчеркнуть значимость данных характеристик для развития и успешного осуществления форм и жанров коммуникации, требующих, с одной стороны, самоуглубления и рефлексии (включая саморефлексию), рефлексии над формой речи (включая

эстетическую), с другой — массовости контактов, скорости и условий для повышения ответственности (флешмобы, контент-агрегаторы, в т.ч. для сетевой рекламы, сетевые платформы — уже сложившиеся эффективные формы интернет-воздействия).

Очень важно, что все эти феномены имеют, кроме дигитальной, текстовую природу, а значит, попадают в ведение дискурсивных и текстовых направлений лингвистики.

Традиционные направления изучения внутреннего мышления, включая текстовое — ММ, — могут и должны привлекаться для осмысления многих важных моментов интернет-коммуникации.

Лингвистика интернета может снабдить данные традиционные направления полноценным текстовым материалом, которого им всегда недоставало, и предложить новые эффективные методики для анализа не только данного специфического материала, но и материала ММ.

Таким образом, у подхода, о котором мы говорим, расширяющего объект — дискурс — за счет интернет-коммуникации, есть шанс, что не только будут разрабатываться новые дискурсивные направления (они уже разрабатываются, а некоторые даже уже разработаны), но и будут выявлены именно качественно иные закономерности и категории для дискурса в целом, уточнено понимание его природы, что, как уже было сказано, и отличает научную революцию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Макаров М.Л.* Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
2. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
3. *Седов К.Ф.* Общая и антропоцентрическая лингвистика. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. 440 с. (Studia philologica).
4. *Николаева Т.М.* Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы // Новое в лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. С. 5–42.
5. *Дементьев В.В.* Что дало жанроведение современной лингвистике? // Жанры речи. 2020. № 3 (27). С. 172–194.

6. *Выготский Л.С.* Мышление и речь // *Выготский Л.С. Собр. соч. в 6 томах.* М.: Педагогика, 1982. Т. 2. С. 5–361.
7. *Якубинский Л.П.* О диалогической речи // *Якубинский Л.П. Избранные работы. Язык и его функционирование.* М.: Наука, 1986. С. 17–54.
8. *Горелов И.Н.* Избранные труды по психолингвистике. М.: Лабиринт, 2003. 320 с.
9. *Жинкин Н.И.* Механизмы речи. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1958. 370 с.
10. *Жинкин Н.И.* О кодовых переходах во внутренней речи // *Вопросы языкознания.* 1964. № 6. С. 26–38.
11. *Жинкин Н.И.* Язык – речь – творчество: Исследования по семиотике. М.: Лабиринт, 1998. 368 с.
12. *Лурия А.Р.* Язык и сознание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 320 с.
13. *Соколов А.Н.* Внутренняя речь и мышление. М.: Просвещение, 1968. 248 с.
14. *Landauer T.K., Dumais S.T.* A solution to Plato's problem: The Latent Semantic Analysis theory of the acquisition, induction, and representation of knowledge // *Psychological Review*, 1997, pp. 104, 211–240.
15. *Capps L., Ochs E.* Living narrative. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002.
16. *Bischof N.* Das Kraftfeld der Mythen. München: Piper, 1996.
17. *Виноград Т.* Программа, понимающая естественный язык. М.: Мир, 1976. 294 с.
18. *Newell A., Simon H.A.* Human problem solving. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1972.
19. *Anderson J.R.* Arguments concerning representation for mental imagery // *Psychological Review*, 1978, pp. 85, 249–277.
20. *Newell A.* Production systems // *Chase W.G. (Ed.). Visual information processing.* NY: Academic Press, 1974.
21. *Newell A.* Unified theories of cognition. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990.
22. *Величковский Б.М.* Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. Т. 2. М.: Смысл: Издательский центр “Академия”, 2006. 432 с.
23. *Прозоров В.В.* О типологии речевых жанров в свете теории литературных родов // *Жанры речи.* 2017. № 2 (16). С. 142–150.
24. *Винокур Т.Г.* Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего // *Русский язык в его функционировании.* Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 5–29.
25. *Виноградов В.В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 256 с.
26. *Седов К.Ф.* Дискурс как суггестия: Иррациональное воздействие в межличностном общении. М.: Лабиринт, 2011. 336 с.
27. *Дементьев В.В.* Основы теории непрямого коммуникации: Дис. ... докт. филол. наук. Саратов, 2001. 428 с.
28. *Карасик В.И.* Языковые картины бытия. М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2020. 468 с.
29. *Лотман Ю.М.* О двух моделях коммуникации в системе культуры // *Лотман Ю.М. Статьи по семиотике и топологии культуры.* В 3 т. Т. 1. Таллин: Александра, 1992. С. 34–45.
30. *Прозоров В.В.* Лирический дискурс/текст как речевжанровый кроссовер // *Жанры речи.* 2021. № 2 (30) (в печати).
31. *Зализняк А.А.* Дневник: к определению жанра // *Новое литературное обозрение.* 2010. № 106. С. 162–181.
32. *Прозоров В.В.* Дневник как лирический речевой жанр // *Жанры речи.* 2019. № 1 (21). С. 35–42.
33. *Бузальская Е.В.* Гипержанр “Дневник”: основные варианты модели // *Жанры речи.* 2019. № 3 (23). С. 183–192.
34. *Рабенко Т.Г.* Инвариантные и варианты признаки жанров естественной письменной речи (на материале жанров “личный дневник”, “личное письмо”, “личная записка”) // *Жанры речи.* 2020. № 1 (25). С. 6–13.
35. *Askehave I., Nielsen A.E.* What are the Characteristics of Digital Genres? Genre Theory from a Multi-modal Perspective // *Proceedings of the 38th Hawaii International Conferences on System Sciences*, 2005.
36. *Crystal D.* Language and the Internet. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 272 p.
37. *Herring S.C.* A Faceted Classification Scheme for Computer-Mediated Discourse // *Language@Internet*, 2007. No. 4. Article 1. Retrieved April 26, 2009, from <http://www.languageatinternet.de/articles/2007/761>
38. *Herring S.C.* New frontiers in interactive multi-modal communication // *The Rutledge handbook of language and digital communication.* Eds. A. Georgopoulou, T. Spilloti. L.: Rutledge, 2015. URL: <http://info.ils.indiana.edu/~herring/hldc.pdf>
39. *Викторова Е.Ю.* Лингвокреативный потенциал интернет-коммуникации (на материале

- жанра социальных сетей) // Жанры речи. 2018. № 4 (20). С. 294–303.
40. Елина Е.Г., Фризен М.А. “Новая грамотность”, новая неграмотность и речевые жанры // Жанры речи. 2018. № 3 (19). С. 168–171.
 41. Карасик В.И. Жанры сетевого дискурса // Жанры речи. 2019. № 1 (21). С. 50–56.
 42. Колокольцева Т.Н. Диалогичность в жанрах интернет-коммуникации (чат, форум, блог) // Жанры речи. 2016. № 2 (14). С. 96–104.
 43. Матяшевская А.И. Интернет-лекция как особый жанр // Жанры речи. 2020. № 3 (27). С. 238–245.
 44. Шилихина К.М. Лексические маркеры жанров интернет-коммуникации // Жанры речи. 2018. № 3 (19). С. 218–225.
 45. Щипицина Л.Ю. Веб-лекция как устный жанр интернет-коммуникации // Жанры речи. 2019. № 3 (23). С. 215–226.
 46. Щурина Ю.В. Речевые жанры комического в современной массовой коммуникации. Чита: Забайкальский гос. ун-т, 2015. 223 с.
 47. Automatic Genre Identification 2009 – Journal for Language Technology and Computational Linguistics. 2009. Vol. 24 (1). Automatic Genre Identification: Issues and Prospects.
 48. Миронов В.В., Сокулер З.А. Тоска по истинному бытию в цифровой культуре / Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2018. № 1. С. 3–22.
 49. Лутовинова О.В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса. Волгоград: Перемена, 2009. 477 с.
 50. “Это эпидемия цифрового аутизма” // Forbes, 23.01.2020: <https://forbes-ru.turbopages.org/s/forbes.ru/finansy-i-investicii/391757-eto-epidemiya-cifrovogo-autizma-o-chem-doktor-kurpatov-i-yog-sadhguru>
 51. Мараховский В. Америка продемонстрировала силу, по-настоящему угрожающую России // РИА Новости. 21.04.2020. <https://ria.ru/20200421/1570313496.html>
 52. Фортунатов А.Н. Интерсубъективность в медиа-реальности: ускользающий феномен или недостижимый идеал? // Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии: монография / Под ред. чл.-корр. РАН И.Т. Касавина и Н.Н. Ворониной. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, 2018. С. 269–272.
 53. Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии: монография / Под ред. чл.-корр. РАН И.Т. Касавина и Н.Н. Ворониной. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, 2018. 413 с.
 54. Дементьев В.В. Интернет-анекдоты: некоторые структурные типы // Жанры речи. 2017. № 1 (15). С. 118–135.
 55. Библер В.С. Мышление как творчество. (Введение в логику мысленного диалога). М.: Политиздат, 1975. 399 с.
 56. Ревякина А.А. Феномен “сетевой литературы” в современном интернет-пространстве. (Сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. Реферативный журнал. 2014. № 4. С. 27–40.
 57. Ким Л.Р. Сетевая литература: теоретические аспекты изучения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2018.
 58. Сарин Л. Современная русская литература в сети: основные художественные тенденции и свойства: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2018.
 59. Хартунг Ю., Бревдо Е. Гипертекст как объект лингвистического анализа // Вестн. МГУ. Сер. 9. Филология, 1996, № 3. С. 61–77.
 60. Дедова О.В. Лингвистическая концепция гипертекста: основные понятия и терминологическая парадигма // Вестн. МГУ. Сер. 9. Филология. 2001. № 4. С. 22–35.
 61. Дементьев В.В. Парадоксы жанра: к проблеме “жанр и творчество” // Жанры речи. М.; Саратов: Лабиринт, 2012. Вып. 8. Жанр и творчество. С. 7–26.
 62. Делягин М. Человек-трансформер // Изборский клуб, 24 января 2019. См.: <https://izborsk-club.ru/16424>
 63. Сиротинина О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М.: Просвещение, 1974. 144 с.

REFERENCES

1. Makarov, M.L. *Osnovy teorii diskursa* [Foundations of Discourse Theory]. Moscow, Gnozis Publ., 2003. 280 p. (In Russ.)
2. Karasik, V.I. *Jazykovoj krug: lichnost, koncepty, diskurs* [Linguistic Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p. (In Russ.)
3. Sedov, K.F. *Obshchaya i antropotsentricheskaya lingvistika* [General and Anthropocentric Linguistics]. Moscow, 2016. 440 p. (Studia philologica). (In Russ.)
4. Nikolayeva, T.M. *Lingvistika teksta. Sovremennoye sostoyaniye i perspektivy* [Text Linguistics. Current State and Prospects]. *Novoye v lingvistike* [New in Linguistics]. Iss. VIII. *Lingvistika teksta* [Text

- Linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1978, pp. 5–42. (In Russ.)
5. Dementyev, V.V. *Chto dalo zhanrovedeniye sovremennoy lingvistike?* [What Have Genre Studies Given to Modern Linguistics?]. *Zhanry rechi* [Speech Genres]. 2020, No. 3 (27), pp. 172–194. (In Russ.)
 6. Vygotsky, L.S. *Myshleniye i rech* [Thinking and Speech]. Vygotsky, L.S. *Sobr. soch. v 6 tomakh* [Coll. Op. in 6 Volumes]. Moscow, Pedagogika Publ., 1982. Vol. 2, pp. 5–361. (In Russ.)
 7. Yakubinsky, L.P. *O dialogicheskoy rechi* [About the Dialogical Speech]. Yakubinsky, L.P. *Izbrannyye raboty. Yazyk i yego funktsionirovaniye* [Selected Works. Language and Its Functioning]. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 17–58. (In Russ.)
 8. Gorelov, I.N. *Izbrannyye trudy po psikholingvistike* [Selected Works on Psycholinguistics]. Moscow, Labirint Publ., 2003. 320 p. (In Russ.)
 9. Zhinkin, N.I. *Mekhanizmy rechi* [Mechanisms of Speech]. Moscow, APN RSFS Publishing House, 1958. 370 p. (In Russ.)
 10. Zhinkin, N.I. *O kodovykh perekhodakh vo vnutrenney rechi* [On Code Transitions in Inner Speech]. *Voprosy Yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language]. 1964, No. 6, pp. 26–38. (In Russ.)
 11. Zhinkin, N.I. *Yazyk – rech – tvorchestvo: Issledovaniya po semiotike* [Language – Speech – Creativity: Research in Semiotics]. Moscow, Labirint Publ., 1998. 368 p. (In Russ.)
 12. Luriya, A.R. *Yazyk i soznaniye* [Language and Consciousness]. Moscow, Publishing house Mosc. University, 1979. 320 p. (In Russ.)
 13. Sokolov, A.N. *Vnutrennyaya rech i myshleniye* [Inner Speech and Thinking]. Moscow, Education, 1968. 248 p. (In Russ.)
 14. Landauer, T.K., & Dumais, S.T. A solution to Plato's problem: The Latent Semantic Analysis theory of the acquisition, induction, and representation of knowledge. *Psychological Review*, 1997, pp. 104, 211–240.
 15. Capps, L. & Ochs, E. *Living narrative*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002.
 16. Bischof, N. *Das Kraftfeld der Mythen*. München: Piper, 1996. (In Germ.)
 17. Vinograd, T. *Programma, ponimayushchaya yes-testvennyy yazyk* [A Program That Understands Natural Language]. Moscow, Mir Publ., 1976. 294 p. (In Russ.)
 18. Newell, A. & Simon, H.A. *Human problem solving*. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1972.
 19. Anderson, J.R. Arguments concerning representation for mental imagery. *Psychological Review*, 1978, pp. 85, 249–277.
 20. Newell, A. Production systems. W.G. Chase (Ed.). *Visual information processing*. NY: Academic Press, 1974.
 21. Newell, A. *Unified theories of cognition*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990.
 22. Velichkovskiy, B.M. *Kognitivnaya nauka: Osnovy psikhologii poznaniya: v 2 t. T. 2* [Cognitive Science: Fundamentals of the Psychology of Cognition: in 2 Volumes. Vol. 2]. Moscow, Smysl: Izdatelskiy tsentr "Akademiya" Publ., 2006. 432 p. (In Russ.)
 23. Prozorov, V.V. *O tipologii rechevykh zhanrov v teorii literaturnykh rodov* [Typology of Speech Genres in Terms of Fiction-Writing Modes Theory]. *Zhanry rechi* [Speech Genres]. 2017, No. 2 (16), pp. 142–150. (In Russ.)
 24. Vinokur, T.G. *Informativnaya i faticeskaya rech kak obnaruzheniye raznykh kommunikativnykh namereniy govoryashchego i slushayushchego* [Informative and Phatic Speech as the Detection of Different Communicative Intentions of the Speaker and the Listener]. *Russkiy yazyk v yego funktsionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt* [Russian Language in Its Functioning. Communicative and Pragmatic Aspect]. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 5–29. (In Russ.)
 25. Vinogradov, V.V. *Stilistika. Teoriya poeticheskoy rechi. Poetika* [Stylistics. The Theory of Poetic Speech. Poetics]. Moscow, Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1963. 256 p. (In Russ.)
 26. Sedov, K.F. *Diskurs kak suggestiya: Irratsionalnoe vozdeystvie v mezhluchnostnom obshchenii* [Discourse as a Suggestion: Irrational Impact in Interpersonal Communication]. Moscow, Labirint Publ., 2011. 336 p. (In Russ.)
 27. Dementyev, V.V. *Osnovy teorii nepryamoj kommunikatsii* [Fundamentals of the Theory of Indirect Communication. Dr. philol. sci. diss.]. Saratov, 2001. 428 p. (In Russ.)
 28. Karasik, V.I. *Yazykovyye kartiny bytiya* [Linguistic Images of Existence]. Moscow, State Institute of the Russian Language A.S. Pushkin Publ., 2020. 468 p. (In Russ.)
 29. Lotman, Yu.M. *O dvukh modelyakh kommunikatsii v sisteme kultury* [About Two Models of Communication in the System of Culture]. Lotman, Yu.M. *Statji po semiotike i topologii kultury. V 3 t. T. 1* [Articles on Semiotics and Topology of Culture. In 3 Volumes. Vol. 1]. Tallin, Aleksandra Publ., 1992, pp. 34–45. (In Russ.)
 30. Prozorov, V.V. *Liricheskiy diskurs/tekst kak rechezhanrovyy crossover* [Lyric Discourse / Text as a Speech-Genre Crossover]. *Zhanry rechi* [Speech Genres]. No. 2 (30) (in press). (In Russ.)
 31. Zaliznyak, A.A. *Dnevnik: k opredeleniyu zhanra* [Diary: to the Definition of the Genre]. *Novoye*

- literaturnoye obozreniye* [New Literary Review]. 2010, No. 106, pp. 162–181. (In Russ.)
32. Prozorov, V.V. *Dnevnik kak liricheskiy rechevoy zhanr* [Diary as a Lyrical Speech Genre]. *Zhanry rechi* [Speech Genres]. 2019, No. 1 (21), pp. 34–41. (In Russ.)
33. Buzalskaia, E.V. *Giperzhanr "Dnevnik": osnovnyye varianty modeli* [Diary: Main Variants of the Genre]. *Zhanry rechi* [Speech Genres]. 2019, No. 3 (23), pp. 183–192. (In Russ.)
34. Rabenko, T.G. *Invariantnyye i variantnyye priznaki zhanrov yestestvennoy pismennoy rechi (na materiale zhanrov "lichnyy dnevnik", "lichnoye pis'mo", "lichnaya zapiska")* [The Genres of Natural Writing "Personal Diary", "Personal Letter", "Personal Note": Invariant and Variant]. *Zhanry rechi* [Speech Genres]. 2020, No. 1 (25), pp. 6–14. (In Russ.)
35. Askehave, I., Nielsen, A.E. What are the Characteristics of Digital Genres? Genre Theory from a Multi-modal Perspective. *Proceedings of the 38th Hawaii International Conferences on System Sciences*, 2005.
36. Crystal, D. *Language and the Internet*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 272 p.
37. Herring, S.C. A Faceted Classification Scheme for Computer-Mediated Discourse. *Language@Internet*, 2007. No. 4. Article 1. Retrieved April 26, 2009, from <http://www.languageatinternet.de/articles/2007/761>
38. Herring, S.C. New frontiers in interactive multi-modal communication. *The Rutledge handbook of language and digital communication*. Eds. A. Georgopoulou, T. Spilloti. L.: Rutledge, 2015. URL: <http://info.ils.indiana.edu/~herring/hldc.pdf>
39. Viktorova, E.Yu. *Lingvokreativnyy potentsial internet-kommunikatsii (na materiale zhanra sotsialnykh setey)* [Potential Capacity of Linguistic Creativity in Internet Communication (Based on the Genre of Social Networks)]. *Zhanry rechi* [Speech Genres]. 2018, No. 4 (20), pp. 294–303. (In Russ.)
40. Elina, E.G., Frisen, M.A. "Novaya gramotnost", novaya negramotnost i rechevyye zhanry ["New Literacy", New Illiteracy and the Genres of Speech]. *Zhanry rechi* [Speech Genres]. 2018, No. 3 (19), pp. 168–171. (In Russ.)
41. Karasik, V.I. *Zhanry setevogo diskursa* [Genres of Network Discourse]. *Zhanry rechi* [Speech Genres]. 2019, No. 1 (21), pp. 49–55. (In Russ.)
42. Kolokoltseva, T.N. *Dialogichnost v zhanrakh internet-kommunikatsii (chat, forum, blog)* [Dialogism in the Genres of Internet Communication (Chat, Forum, Blog)]. *Zhanry rechi* [Speech Genres]. 2016, No. 2, pp. 96–104. (In Russ.)
43. Matyashevskaya, A.I. *Internet-lektsiya kak osobyy zhanr* [ELecture as a Special Genre]. *Zhanry rechi* [Speech Genres]. 2020, No. 3 (27), pp. 238–245. (In Russ.)
44. Shilikhina, K.M. *Leksicheskiye markery zhanrov internet-kommunikatsii* [Lexical Markers of the Online Communication Genres]. *Zhanry rechi* [Speech Genres]. 2018, No. 3 (19), pp. 218–225. (In Russ.)
45. Shchipitsina, L.Yu. *Veb-lektsiya kak ustnyy zhanr internet-kommunikatsii* [Web Lecture as an Oral Internet Genre]. *Zhanry rechi* [Speech Genres]. 2019, No. 3 (23), pp. 215–226. (In Russ.)
46. Shchurina, Yu.V. *Rechevyye zhanry komicheskogo v sovremennoy massovoy kommunikatsii* [Comic Speech Genres in Modern Mass Communication]. Chita, Transbaikalsk State Univ. Publ., 2015. 223 p. (In Russ.)
47. Automatic Genre Identification 2009 – *Journal for Language Technology and Computational Linguistics*. 2009. Vol. 24 (1). Automatic Genre Identification: Issues and Prospects.
48. Mironov, V.V., Sokuler, Z.A. *Toska po istinnomu bytiyu v digitalnoy kulture* [Longing for True Being in Digital Culture]. *Vestn. Mosk un-ta. Ser. 7. Filosofiya* [Issues of Moscow State University. Ser. 7. Philosophy]. 2018, No. 1, pp. 3–22. (In Russ.)
49. Lutovinova, O.V. *Lingvokulturologicheskiye kharakteristiki virtualnogo diskursa* [Linguo-Cultural Characteristics of Virtual Discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2009. 477 p. (In Russ.)
50. "Eto epidemiya tsifrovogo autizma" ["This is an Epidemic of Digital Autism"]. *Forbes*, 23.01.2020. URL: <https://forbes-ru.turbopages.org/s/forbes.ru/finansy-i-investicii/391757-eto-epidemiya-tsifrovogo-autizma-o-chem-doktor-kurpatov-i-yog-sadhguru> (In Russ.)
51. Marakhovskiy, V. *Amerika prodemonstrirovala silu, po-nastoyashchemu ugrozhayushchuyu Rossii* [America has Demonstrated a Force that Truly Threatens Russia]. *RIA Novosti* [RIA Novosti]. 21.04.2020. URL: <https://ria.ru/20200421/1570313496.html> (In Russ.)
52. Fortunatov, A.N. *Intersubektivnost v mediarealnosti: uskolzayushchiy fenomen ili nedostizhimyy ideal?* [Intersubjectivity in Media Reality: An Elusive Phenomenon or an Unattainable Ideal?]. *Epistemologiya segodnya. Idei, problemy, diskussii: monografiya / Pod red. chl.-korr. RAN I.T. Kasavina i N.N. Voroninoy* [Epistemology Today. Ideas, Problems, Discussions: Monograph / Ed. Corresponding Member of the RAS I.T. Kasavin and N.N. Voronina]. Nizhniy Novgorod, Publishing house of the Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, 2018, pp. 269–272. (In Russ.)

53. *Epistemologiya segodnya. Idei, problemy, diskussii: monografiya / Pod red. chl.-korr. RAN I.T. Kasavina i N.N. Voroninoy. N. Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gosuniversiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Epistemology today. Ideas, problems, discussions: monograph / Ed. Corresponding Member RAS I.T. Kasavin and N.N. Voronina. N. Novgorod: Publishing house of Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky], 2018. 413 p. (In Russ.)
54. Dementyev, V.V. *Internet-anekdoty: nekotoryye strukturnyye tipy* [Internet Anecdotes: Some Structural Types]. *Zhany rech* [Speech Genres]. 2017, No. 1 (15), pp. 118–135. (In Russ.)
55. Bibler, V.S. *Myshleniye kak tvorchestvo. (Vvedeniye v logiku myslennogo dialoga)* [Thinking as Creativity. (Introduction to the Logic of Thought Dialogue)]. Moscow, Politizdat Publ., 1975. 399 p. (In Russ.)
56. Revyakina, A.A. *Fenomen "setevoy literatury" v sovremennom internet-prostranstve. (Svodnyy referat)* [The Phenomenon of "Network Literature" In the Modern Internet Space. (Consolidated Abstract)]. *Sotsialnyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 7: Literaturovedeniye. Referativnyy zhurnal* [Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 7: Literary Criticism. Abstract Journal]. 2014, No. 4, pp. 27–40. (In Russ.)
57. Kim, L.R. *Setevaya literatura: teoreticheskiye aspekty izucheniya: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Network Literature: Theoretical Aspects of the Study: Cand. philol. sci. thesis diss]. Moscow, 2018. (In Russ.)
58. Sarin, L. *Sovremennaya russkaya literatura v seti: osnovnyye khudozhestvennyye tendentsii i svoystva: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Modern Russian Literature on the Net: Main Artistic Trends and Properties: Cand. philol. sci. thesis diss]. Moscow, 2018. (In Russ.)
59. Khartung, Yu., Brevdo, Ye. *Gipertekst kak objekt lingvisticheskogo analiza* [Hypertext as an Object of Linguistic Analysis]. *Vestn. MGU. Ser. 9. Filologiya* [Issues of Moscow State University. Ser. 9. Philology]. 1996, No. 3, pp. 61–77. (In Russ.)
60. Dedova, O.V. *Lingvisticheskaya kontseptsiya giperteksta: osnovnyye ponyatiya i terminologicheskaya paradigma* [Linguistic Concept of Hypertext: Basic Concepts and Terminological Paradigm]. *Vestn. MGU. Ser. 9. Filologiya* [Issues of Moscow State University. Ser. 9. Philology], 2001, No. 4, pp. 22–35. (In Russ.)
61. Dementyev, V.V. *Paradoksy zhanra: k probleme "zhanr i tvorchestvo"* [Paradoxes of the Genre: The Problem of "Genre and Creativity"]. *Zhany rech: sb. nauch. tr.* [Speech Genres: Collection of Scientific Works. Ed. by Dementyev, V.V.]. Iss. 8. Moscow; Saratov, 2012, pp. 7–26. (In Russ.)
62. Delyagin, M. *Chelovek-transformer* [Transformer Man]. *Izborskiy klub, 24 yanvarya 2019* [Izborsk Club, January 24, 2019]. URL: <https://izborsk-club.ru/16424> (In Russ.)
63. Sirotinina, O.B. *Sovremennaya razgovornaya rech i yeye osobennosti* [Modern Colloquial Speech and Its Features]. Moscow, Education Publ., 1974. 144 p. (In Russ.)